

Римма Альбертовна Артемьева – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей Казахстана и Союза журналистов РК. Поэзия, публицистическая и художественная проза, интервью, репортажи, статьи Риммы Артемьевой публиковались на страницах ведущих зарубежных и казахстанских газет и общественно-литературных журналов: «Простор», «Нива», «Аманат», «Тан-Шолпан», «Найзатас»; «Листья» (США); «Гольфстрим», «Мегалог» (Россия); «Ренессанс» (Украина); «Нёман», «Новая Немига литературная» (Беларусь) и многих других, а также на страницах казахстанских, российских, белорусских веб-сайтов. Стихи Риммы Артемьевой

переведены на казахский, английский, литовский, казахский языки. На ее стихи написаны песни и романсы, которые вошли в музыкальные аудиоальбомы. Р. Артемьева – автор коллективного сборника «Три поколения женщин» (2001), поэтических книг «Страница» (2002), «Прикосновения» (2005), сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас...» (2008), поэтического сборника «Ритмы тишины» (Избранное, 2010). Публиковалась в антологиях «Независимый Казахстан: Антология современной литературы» (том 3, Поэзия; том 4, Эссе) (Москва, «Художественная литература», 2013, 2014); трехтомника «Пламя победы» (Алматы, 2015); антологии поэзии «Мәңгілік елім менің – Вечная страна моя», посвященной 25-летию независимости Казахстана (Алматы, 2016); сборника «Алматы – любимый город» (2014). Удостоена звания «Поэт года» – газета «Новое поколение» (2015). Победитель в номинации «Поэзия» международного литературного конкурса «Родной Дом» – Минск, Беларусь (2016).

Римма АРТЕМЬЕВА КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ СУДЬБЫ

Моей бабушке, урожденной баронессе Станкевич, посвящается.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

Константин Симонов

Носителями генной памяти выступают нуклеиновые кислоты, объединенные в хромосомы и гены, способствующие хранению и накоплению информации. Она включает в себя бессознательные действия, будь то безусловные рефлексы или комплекс фиксированных действий.

– Бабуля, можно я возьму в сундуке платок, – спросила, приплясывая Янка, – и пойду с тобой на обеденную дойку?

Ванда знала об особом интересе внучки к содержимому этого старинного семейного сундука, перевезенного еще в коллективизацию вместе с домом из родового хутора в деревню, где жила она с тех пор, как вернулась домой, в Белоруссию, с мальчиками и сестрой из концлагеря в Гессахте. Так случилось, что маленькая егоза, хотя и приезжала к ней каждый год погостить на лето, никогда не открывала этот – такой заветный для нее сундук. Да и сама Ванда давно в него не заглядывала. В нем кроме вещей хранила она родовые документы, фотографии и семейные реликвии. В теплое время она всегда была занята привычными для сельских жителей делами, а зимой, оставшись одна, не хотела разбирать вещи, оживляя воспоминания, большая часть которых была окутана давно выплаканными слезами.

– Возьми, – разрешила Ванда и пошла в пуню – проверить яйца у несущки.

Наконец-то Янка испытала радость исполнения заветного желания. С трудом подняв кованую крышку, она с женским любопытством стала перебирать аккуратно сложенное содержимое. Сначала осторожно вынимала лишь верхний слой, но потом, не удержавшись, докопалась до самого дна, где увидела яркий тонкий платок. Янка потянула его, но оказалось, что в платке было завернуто платье. Не посмотреть на него она просто не могла! Когда Ванда вернулась в дом, Янка кружилась по комнате, волоча по полу подол красивого красного платья, приложенного к себе.

– Ой, бабуля, бабулечка, – причитала Янка, – смотри, как мне идет!

– Аккуратнее, – неожиданно строго даже для самой себя остановила Ванда внучку. – Это очень дорогое для меня платье.

– Много денег стоит? – растерянно протягивая наряд, спросила Яна.

– Дело не в деньгах, я потом тебе когда-нибудь расскажу. Ты иди, погуляй до дойки в палисаднике, – сказала Ванда и вдруг почувствовала, как ослабли ноги, и она, будто подкошенная, резко опустилась на стул.

Внучка ушла гулять, а Ванда словно вновь перенеслась в тот далекий субботний день 21 июня 1941 года...

Это было в Бресте, куда по месту службы мужа переехала она с сыновьями и сестрой Анной. В этот день всей семьей они отправились в кино, а на обратном пути зашли к портнихе забрать новое платье, которое подарил ей любимый супруг для предстоящего завтра празднования годовщины свадьбы. Красное, шелковое, летящее, оно струилось по ее статной фигуре, выдававшей знатность предков, подчеркивая особый и такой притягательный шарм молодости.

Они гуляли по городу, летний вечер пьянил умиротворенностью и какой-то особенной тишиной. Но что-то смутно тревожило Ванду. Они несколько лет прожили на заставе, где ее супруг Павел Авдеев был командиром. Она, обладая редкой интуицией, давно научилась угадывать практически любую ситуацию и ее развитие. Но в этот день странное беспокойство, которое она сначала отнесла к предстоящему празднику, не отступало. Дети радостно галдели из-за предложения отца поесть мороженого и, как обычно, устроили суматоху из-за того, кто будет платить продавцу...

Дома Ванда повесила платье на плечики, но не стала убирать его в шкаф. Оно так и осталось висеть на ночь в комнате, будто она собиралась надеть его, прямо встав с постели.

Было еще темно, когда она услышала гулкие раскаты. Ванда встала и вышла в гостиную, где у окна уже стояла сестра.

– Кажется, гром, – почему-то шепотом произнесла Анна.

Они стояли, глядя на безмятежно спокойные ветви деревьев, едва различимые во мгле, под оглушающие раскаты неба.

Тревожный стук в дверь взорвал оцепенение. Ванда поспешила открыть. На пороге стоял посыльный.

– Донесение товарищу Авдееву, – отрапортовал он и вдруг, будто виновато, добавил: – Война началась!..

Павел быстро собрался, поцеловал Ванду и детей, обнял свояченицу и велел бежать к госпиталю, куда обещал вернуться к ним, чтобы всё прояснить. Мало что соображая от неожиданности, Ванда стала одевать детей, надевая кому-то штанишки, кому-то рубашку, кому-то только ботиночки... Анна, помогая сестре, сказала:

– Вандочка, не забудь сама одеться.

Красное платье оказалось под рукой, она надела его, схватила детей, и они помчались по улице в предраассветной мгле, с ощущением того, что солнце никогда не взойдет и уже не осветит своими, такими желанными лучами их счастливую и радостную жизнь. Вместе с ними бежали полуодетые люди в ночных рубашках, подштанниках, босиком...

Госпиталь стал тем местом в городе, где, казалось, еще осталась маленькая надежда спасти их мирную жизнь. Отсюда отъезжали грузовики, вывозившие людей за город, где через семь-восемь километров их высаживали, и они пешком двигались на восток нестройной, рассыпающейся при обстрелах колонной...

– Детки, не отходите от меня, – повторяла Ванда, стараясь ничем не выдать раздирающей ее тревоги.

Павел не появлялся, и она не знала, что ей делать. Она должна была увидеть его, узнать, что происходит, понять, как они теперь будут жить. Вдруг очередной поток отъезжающих подхватил старшего сынишку, и он вместе со всеми оказался в кузове грузовика.

– Сыночек, куда ты? – закричала Ванда. Передав сестре из рук в руки малышей, она кинулась за сыном. Людской поток забросил ее в машину, и она, схватив сына за плечи, начала пробираться вместе с ним назад, пока грузовик еще не поехал. По лицу хлестала чья-то одежда, кто-то в исступлении кричал, пытаясь помешать им выбраться. Но ей хватило сил, и в последнюю минуту они успели оказаться на земле. Машина медленно тронулась. Но метров через двадцать ее настиг немецкий снаряд, и на глазах у всех она взорвалась вместе с пассажирами...

Малыши заплакали, а сестры, прижимая их к себе, пытались принять правильное решение. Ждать Павла они больше не могли и, как бы ни было страшно, после того, что случилось, всё же решили ехать.

За город они попали, когда уже было совсем светло. И двигаясь вместе с колонной в неизвестность, бежали, прятались, падали на землю, прикрывая ребятишек при обстрелах. Как им удалось уцелеть... Женщина в красном платье и дети...

Казалось, до людей никогда не добраться. Снаряды разрывались совсем рядом, и гул пролетающих над самой головой самолетов рождал ледяной, первобытный страх...

Дойдя до первой же деревни, Ванда переделалась в темную одежду, которую дала ей одна из женщин.

– Дзякуй, вялікі дзякуй, – благодарила Ванда, тронутая отзывчивостью незнакомого человека и крепко обнимая спасительницу.

Они шли, не зная конечного пункта своего пути. Из разговоров с людьми было известно об официальном сообщении, но никто не знал, сколько продлят-

ся атаки, и не верил, что наши войска не дадут молниеносный отпор врагу. В какой-то момент короткой передышки сестры вдруг поняли, что не могут идти в никуда, и решили вернуться назад...

* * *

Узнать хоть что-нибудь про Павла Ванде не удалось. Поселиться в своей квартире тоже. Их приютили друзья. Выживали все вместе. Через какое-то время после возвращения в Брест Ванду разыскал один из знакомых Павла, и с этого момента она стала связной, передавая партизанам сведения, которые прятала в условленном месте на вокзале. Он же позже рассказал ей, как погиб Павел, защищая Родину, любимый город, семью...

Плакала Ванда ночью, тайком, чтобы не слышали дети, достав свое красное платье, в котором ее так и не увидел любимый Павлуша. В такие минуты она мысленно рассказывала ему, как страшно и трудно им живется. Она поведала ему, что ее чуть не убили полицаи, когда в комендантский час дети не вернулись с улицы и она пошла их искать, что не может оставить на сестру трех маленьких мальчиков, старшему из которых только шесть, чтобы уйти на фронт. Что лишь помощь партизанам придает смысл ее жизни, в которой теперь его нет рядом, в которой теперь война. Она вспоминала его добрый умный взгляд и улыбку, его слова, которые он говорил ей всегда, когда хотел утешить: «Милая моя, мы всё сможем, всех победим». И сейчас ей очень хотелось верить, что всё так и будет. Лишь в одно не хотелось верить ни сердцу, ни разуму: что ее Павлуша погиб...

* * *

Когда в 1944-м советские самолеты появились над Брестом, радости людей не было конца. Ванда снова достала свое красное платье, оно словно стало для нее оберегом, подаренным мужем. Она не надевала его, нет. Просто смотрела и вспоминала тот последний вечер, проведенный вместе.

Уже перед самым освобождением города ей сообщили, что в ближайшее время они с детьми должны будут уйти к партизанам. В ту пору Ванда сильно болела, и несколько раз записки в тайник относил ее старший сынишка. Кто-то донес, и фашисты его выследили. Тайник не нашли, но в этот же день всю семью забрали. Назавтра их погрузили в «телятник» – вагон, в котором перевозили скот, и отправили в Краковский лагерь.

Удушливый, приторный запах барака, усыпанного клопами, куда их поместили с детьми, изнурял не меньше, чем голод и жажда. Клопы были на стенах, потолке, на полу – единой живой, шевелящейся массой. Невозможно было ступить, не раздавив этих ожидавших своей добычи существ. И запах, смешавшийся с ужасом, унижением, беспомощностью, кричал о безысходности. Чтобы хоть немного отдохнуть, они выметали веником круг, который поливали водой. И только потом ложились, но через десять-пятнадцать минут клопы начинали падать с потолка, покрывая лицо, руки, тело...

Через неделю их отправили дальше, в Германию, в Гестхат.

Детей и взрослых разделили по разным лагерям. Обнимая своих любимых деток, Ванда лишь успела шепнуть старшему:

– Колюша, сынок, ты присматривай за братиками. Вся надежда только на тебя!

Но даже в лагере, где у них отобрали все личные вещи, ей удалось внизу, между досок барака, спрятать свое красное платье, которое взяла с собой как самую главную свою драгоценность.

Вокруг детского лагеря, куда попали ее мальчики, находились польский и французский лагеря. Они, в отличие от того, где были русские, белорусы и украинцы, не были огорожены колючей проволокой и не охранялись часовыми на вышках. Лишь один раз за всё время увидела она своих деток, когда однажды утром ее потащили в детский лагерь и, бросив перед несчастными, измученными детьми, которых специально построили так, чтобы всем было видно, стали избивать дубинками вместе со старшим сыном...

Она не знала, за что им устроили публичное наказание, не знала, что ее избитый ребенок три дня пролежал в бараке, корчась от боли и унижения. Не знала и того, что в первые дни лагерной жизни, съедая раз в день баланду из брюквы и кольраби, ее мальчишки припрятавали на ночь половинки кусочка своего эрзац-хлеба, не подозревая, что к вечеру его уже нельзя будет разбить даже молотком. Об этом сыновья расскажут ей потом...

Мальчикам очень повезло, они попали в одну возрастную группу, поэтому всегда были вместе. Каждое утро их гоняли в женский французский лагерь убирать мусор. Эти несчастные дети, которых фашисты лишили даже эмоций, потому что слёзы жестоко карались избиением или наказанием, особенно в этом преуспела начальница лагеря фрау Люция, вызывали у француженок сочувствие, и они всегда старались сказать им что-то ласковое, ободряющее. И хотя мало кто из них понимал, что говорили им эти женщины, которых использовали немцы для своих сексуальных утех, эта речь стала для мальчишек единственной отдушиной, дарившей тепло человеческого общения. В один из дней, когда они убирали территорию, их подозвала к окну своего барака одна из француженок. У нее родился ребенок, и ей, видимо, захотелось хоть как-то отпраздновать это событие, угостив ребятшек пачкой печенья. Она передала печенье Кольке – старшему их группы, тот – ребятам, которых было двенадцать человек, и они моментально съели печенье вместе с бумагой...

Заметившая это начальница стала требовать у Кольки отдать печенье, хотя понимала, что пока она шла, дети съели его. Фрау Люция была эстонкой, но хорошо говорила по-русски. Она кричала, обзывая его вонючей свиньей и вором, била по лицу и грозила публичным наказанием. Но ему нечего было отдавать. Поэтому на следующее утро мальчишку вместе с его матерью избили на глазах замерших от ужаса детей, на лицах которых, тем не менее, была лишь гримаса безразличия.

* * *

Мальчишки знали, что их душевая комната в бане, снабженная переворачивающимся по оси полом, является одновременно и крематорием. Но никто не знал, вернется ли он назад в день банных процедур. Больных и ослабленных детей собирали в одну группу, отправляли мыться и, используя подвижный пол, сжигали заживо... Те, кто выживал несмотря на голод и регулярный забор крови, имели лишь шанс дожить до следующего купания. Вот купанием в этой душевой и грозила мальчишкам фрау Люция.

Но на территории детского лагеря был еще один, отдельный крематорий с огромной постоянно дымящейся трубой. Что там сжигали, мальчики не знали, но каждый вечер приезжали «бауэры» (местные фермеры) на своих трехколесных автомобильчиках и вывозили пепел из душевой и крематория. В ограде этого одноэтажного здания, тоже обнесенного колючей проволокой, росла огромная груша, которая в конце лета была рясно усыпана крупными желтыми плодами. Старшие ребята пролезть под проволокой незамеченными не смогли бы, поэтому было решено, что полезут мальчишки помладше, среди

которых оказался и средний брат Коли – Алька. Успешно совершив вылазку к дереву и собрав упавшие груши, мальчишки поползли назад, но вдруг автоматная очередь с вышки преградила им путь. Прижавшись к земле, они несколько минут не шевелились, потом Алька пополз, прикрывая одной рукой голову, а другой свой бесценный трофей, за ним подтянулись и остальные. Вернулись все. Часовой то ли пожалел пацанов, то ли ему было лень, но его автомат молчал...

Делили добытое лакомство, которое могло стоить жизни любому из них, на весь барак. Каждый укусил только один раз, но хватило всем.

Фрау Люция всё же исполнила свои угрозы. Когда в банный день мальчишек повели мыться, она вдруг зашла вместе с конвойным и толкнула Колю на барабан, в который кидали грязную робу. Нogu затянуло и раздробило, он закричал от боли, но удержался и не попал туда сам, успев выдернуть ногу из барабана. Нога почернела, кровь лилась так сильно, что весь путь, который Колька с помощью пацанов добирался до барака, был прочерчен красной струйкой. Только в бараке кто-то из ребят туго перетянул ему ногу рубашкой, пытаясь остановить кровь. Из каких-то палок ему соорудили подобие костылей, чтобы он хоть как-то мог передвигаться.

Через несколько дней начались американские массированные бомбардировки, уничтожившие Гестхафт за семь минут. Алька же, увидев американский самолет, пролетающий над лагерем, выскочил из барака и забрался на построенный из кирпича короб для мусора. Он махал исхудалой ручонкой, приветствуя освободителей, но неожиданно для мальчика американский снаряд попал точно в короб и разорвался, засыпав успевшего отскочить и упавшего Альку грудой осколков. Коля, как мог, добрался до Альки и упал рядом с ним, стиснув зубы от боли, пронзающей ногу.

– Ты живой, живой? – тербил он брата, неподвижно застывшего на земле.

Вдруг Алька зашевелился и чуть слышно прошептал:

– А чего он?..

Когда на следующее утро, выйдя из барака, они не увидели на вышке часового, и вообще никого не увидели на территории лагеря, то догадались, что уже свободны. Кто-то из старших ребят пошел на проходную и, не обнаружив никого и там, громко закричал:

– Свобода!

Все потянулись из барака к проходной, всё еще не осознавая, что это не просто слово!

Истощенные мальчишки ринулись за бегущими к Эльбе людьми, направлявшимися на сахарные склады, где после бомбардировки белели сахарные россыпи. Они запихивали сахар в рот, засыпали за пазуху, вместе с немцами, грузившими сахар мешками в свои автомобильчики.

Это была действительно сладкая Свобода!

Вернувшись в барак, мальчишки встретили там матерей, иступленно искавших своих детей. Чтобы не потеряться в суматохе, Колька присел на нары, обнял братьев и всё время приговаривал:

– Сейчас мама придет, сейчас мама придет...

Ванда, оставив Анну во дворе, вошла в барак и что было сил позвала:

– Колюшка, Колюшка, сынок!

Ее голос нельзя было спутать ни с каким другим! Родной, единственный, долгожданный... Мамин!

– Мамочка, мы здесь, – отозвался Колька, из-за больной ноги не сумевший побежать ей навстречу...

Теперь они снова были все вместе.

Американцы появились в лагере, предоставив всем паек, одежду, медицинскую помощь. Только это и спасло Колькину ногу. Без пальца, но ее удалось сохранить. Женщины стали требовать российского представителя, и через несколько дней молодой, красивый капитан появился в лагере в полном обмундировании. Они кинулись к нему, обнимая, целуя ему сапоги. Просили только об одном – скорее отправить домой...

Ждать пришлось до осени. Ванде с детьми и сестрой не дали предписания в Брест, их отправили на ее родину в Витебск.

Путь домой был и самым долгим, и самым коротким. Когда наконец они подъехали к станции с надписью «ВИТЕБСК», сердце, готовое было выпрыгнуть из груди, словно остановилось. Мальчишки первыми выбежали из вагона, и вдруг Ванда увидела, как ее рано повзрослевшие мальчики целуют родную землю, стоя на коленях!..

– Бабушка, бабушка, – услышала Ванда испуганный голос Янки, который вернул ее из воспоминаний.

– Что случилось, чего ты так испугалась? – спросила Ванда.

– Там... там самолет низко, а я бегом, а он гудит, – сбивчиво объясняла внучка.

– Какой самолет в палисаднике, откуда ему там взяться? – недоумевала Ванда, впрочем, догадываясь, что внучка гуляла совсем в другом месте.

– Я на поле, где люпин, бегала, – опустив глаза, призналась Янка, – а там вдруг самолет низко-низко. Очень страшно, бабуля!

Ванда обняла внучку и стала приговаривать, глядя ее по голове: «Милая моя, мы всё сможем, всех победим»... Как никакие другие, эти слова всегда могли успокоить ее маленькую непоседу.

* * *

Совсем еще маленькой была Янка и ничего не знала об открытии учеными геномной памяти. Не понимала она, привыкшая с восьми месяцев к огромным авиалайнерам, почему так боится этих маленьких самолетиков, когда они пролетают так низко. Не понимала она и того, почему так хочется ей говорить на незнакомом французском языке и отчего красный цвет – ее самый любимый.

